

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Воинствующее искушение

Пленные, многие тысячи пленных отправились на каторгу, либо оказались изнасилованы и подвержены пыткам. Или всему вышеперечисленному, собранному в одном, жутчайшем букете. Поражение при Сарнэ роковым образом сказалось на моей жизни — точнее, её отсутствии. Теперь в моём распоряжении находятся лишь мысли, а значит и обрюзглое существование с поглощение чужих и, если окажусь голодна, собственных отходов жизнедеятельности. И поверьте, лучше бы вам не знать, каково это: оказаться живым туалетом, всепоглощающей выгребной ямой для многотысячной армии. Я узнала и продолжаю узнавать это на собственном примере. И что самое страшное, мне это нравится…

Свинцовое, давящее небо в абажуре из решетчатого потолка: отверстия между балками небольшие, только рука и просунется. Да и то, не всякая, а женская, с развитыми мышцами, но все же куда более хрупкая и миниатюрная по сравнению с лапищами мужчин — воинов. Вокруг меня гладко отшлифованные каменные стены, а под ногами тот же решетчатый пол и та же каменная кладка: на нее сливаются все те нечистоты, что я не успеваю, не хочу съесть или испражняю сама.

Пол находится под значительным уклоном, так что во время дождя под меня замыкает и все успевшие скопиться у соседей по несчастью, а именно: дерьмо, моча, блевотина и гниющие в этом месиве остатки пищи. Воньца стоит невообразимая, но со временем можно привыкнуть. Иного выбора попросту не остаётся. Либо привыкаешь и влачишь существование дальше, либо сдыхаешь. Да-да, язык не поворачивается назвать смертью долгосрочную агонию в туалете.

Когда я только сюда попала и еще не знала, что меня ждет, то конечно артачилась. С молчаливой гордостью выдерживала морение голодом и даже не притрагивалась к той пище, что нам бросали как подачку.

Ох, и дура же я была… Сейчас бы пожертвовала всем, чтоб только еще раз насладиться вкусом жареного окорока или печеной картошки. Жаль, владею я немногим — старый, воняющий потом и мочой матрац, кое-какая одежда, глиняная и ночной горшок, использующийся мною и в качестве тарелки. А ведь многие лишены даже таких, малейших благ. Мне везло с самого начала и я, дурочка, отдалась на волю госпожи Фортуны. Сволочной девицы со своеобразным чувством юмора.

Холодно. Больно. Голодно. Лежать голой на железных балках мучительно неудобно, да и велик риск подхватить воспаление лёгких, но… Быть до смерти изнасилованной многотысячной толпой, наверное, много хуже. А с теми, кто не подчиняется, так и происходит.

– Мира… Мира, ты как? – слышится из-за стены глухой, обессиленный голос моей недавней соратницы. Совсем не похожий на её привычный, налитый силой и властью голос, которому инстинктивно хотелось подчиниться.

– Терпимо… А ты как? – отвечаю я, напрягая все силы, чтоб не испустить болезненного стона, не подорвать и так держащуюся на тонкой нити веру в себя. Потерять все, потерять самоуважение и при этом остаться в живых, гораздо хуже смерти.

– Как видишь, не сдохла пока. Только жрать хочется, сил нет… Когда там последняя

кормежка была? – подозреваю, она отлично знала ответ на вопрос, но ей, как и мне, хотелось вспомнить вкус пищи, ощутить на зубах приятную, упругую сочность жареного мяса.

Обычная еда, кто мог подумать, что ради нее я буду готова молиться и буквально целовать задницы ненавистным врагам!

– Четыре дня назад – стараюсь говорить ободряюще, – Наверное, скоро накормят вновь. – но самой что-то мало верится в эти слова. Воины владычицы Дамрад отличались изошрённой жестокостью: сколько раз они растворяли в питье слабительное или скармливали подгнившие остатки их трапез! Многие пленники знали об этих уликах, но осознанно ели, не в силах справиться с голодом: их жалобы, ругань и протяжные миазмы доносились еще несколько дней.

Внезапно полуденное Солнце заслонила тень – надо мною склонился уродливый, с непропорционально крупными чертами лица и узловатыми ногами, мужчина.

Изучив меня несколько секунд, он спустил штаны и степенно достал член: кривой и с несуразно большой головкой на тонком створе. Конечно же, он собирался на меня помочиться. Я склонила голову и мужик презрительно харкнул на мои волосы. Видимо, ему не понравилось, что я не собиралась пить его мочу. Жажда сковала горло, жажда извивалась и просила меня о снисхождении: но я только разводилась руками и понуро склонялась голову, не в состоянии перебороть отвращение к мужской моче, хотя та же Мира могла выпивать литры этой солоновато-прогорклой дряни.

Ну да не мне её винить – мочу я тоже пила, но только женскую, к коей я причисляла и свою. Чувствуя позыв к справлению маленькой нужды, я садилась на корточки и подставляла сведённые вместе ладони под струю, выпуская её небольшими порциями и слизывая, таким образом справляясь с жаждой. Питье же собственной мочи я не считала за унижение, но принимала за продиктованную необходимостью крайнюю меру.

– Что, малышка, предпочитаешь иметь дело с женщинами? – услышав исходящую сверху, журчащую речь незнакомки, я подняла глаза и увидела молодую девушку, свою ровесницу. Щедро наделенная красотой обладательница длинных, стройных и гладких ног, поджарой талии и волевого, с чуть утяжеленным подбородком с презрением глядела на меня. Её пшеничной – русые, коротко-стриженные волосы отливали медью в лучах жаркого солнца.

– Пить хочешь? – безапелляционно спросила она, и меня, ничтоже сумнящуюся, хватило на согласный кивок. Пухловатые, хищные губы незнакомки усмехнулись. – Тогда получай. – я, подавив гнетущую, ставшую рудиментарной гордость, я приникла раскрытым ртом к обрешетке и закрыла глаза, ожидая, когда мои сухие, истрескавшиеся губы и знойное горло оросит живительным влагой, источником для которой являлось влагалище писающей девушки. Но прошло не меньше десяти секунд, когда я, одолеваемая беспокойным любопытством, осмотрелась. Незнакомка все так же кривила губы в циничной ухмылке, а её взгляд не выражал ни капли сочувствия: лишь похотливый интерес читался в оливковых, восточного типа глазах. Ноги её были по прежнему широко расставлены, а набедренная тканевая юбка спущена, так что моему болезненно жадному взору открылись сильные, не в ущерб женственности бедер, а так же не самой первой свежести трусики, плотно облегающие влажное, полное лоно.

– Нравятся? – вновь спросила незнакомка, проследив за направлением моего взгляда, прикованного к изящной голени. – Могу дать облизать. Только чур, дочиста. Иначе заставлю

обслуживать всю мою сотню и не только ноги, а и обувь и задницы. – как стало известно из разговора, госпожа сотенная офицеров сурово нахмурилась брови, но мгновением позже, добавила смягчившись. – Но, кажется, такая шалавка как ты, будет рада такому наказанию. – говорила она, снимая начищенные до лоска сапоги и ставя их возле себя.

Следующим чередом она сняла носки, оставив на откуп моему вожделеющему языку красивые ступни: чуть шероховатые, несущие на себе тяжбы военной службы, в виде слоя скатавшейся в шеварушки грязи, тёмным налетом осевшей на пяточках и меж пальцев. Мой нос защекотал неприятный, и оттого возбуждающий и по особенному «вкусный»; аромат давно немых ног;

Толщина железных прутьев позволяла не без труда лизать эти ступни, до состояния лоснящейся от моей слюны, но чистой кожи: всю оставшуюся на моём языке грязь я сглотнула с видимым наслаждением, с явно требующей добавкой во взгляде. Госпожа сотенная отметила это и холёным пальчиком указала на сапоги; Можете счесть меня слабовольной подстилкой, и будете правы. Красота девушка пленила меня, и я действовала не из-за боязни наказаний и пыток, а следуя желания сделать ей приятное; Например, счистить подошвы её сапог. Языком вместо щетки, слюна заменяет воду, а пальцы услужливо помогают выковыривать камешки, забившуюся в протектор траву. Все это я съедаю под гипнотизирующим взглядом девушки, в чьих оливковых глазах презрение наконец сменилось искренним интересом, на что я еще способна и какое унижение готова стерпеть с удовольствием для себя.

– Умница. Хорошенькая рабыня. Думаю, ты заслужила вознаграждение. – фраза сопровождается тёплой, с намеком на сострадание, улыбкой и обильно намокающими трусиками госпожи сотенной; неожиданно пукнувшей: громко, хлопкообразно. Ни тени смущения не отразилось на её лице, а звуки сменились; в общем, это здорово походило на то, как если бы кто-то решил сварить кашу во фляге и выдавить её, увеличившуюся в объёме и разопревшую, оттуда.

– Как насчет основного блюда? Я недавно ела баранину, так что оно должно получится жирным. И, смею надеяться, вкусным; сама я не пробовала, но и жалоб на свою продукцию еще не слышала. – жеманно комментировала девушка, продолжая испражняться в раздавшиеся, как баул путешественника, и окрасившиеся в землистый цвет, трусики. Которое она, по окончанию процедуры, аккуратно сняла и не менее аккуратно, дабы не проронить ни единой капли и драгоценного комочка, скомкала мой обед. Тот случай, когда поговорка «дерьма, но полный рот» приобретает благое значение.

– Приятного аппетита, говняшка. – со смешком говорит девушка, кончиками пальцев держа свою ношу над прутьями; её трусики я взяла с такой бережливостью, словно от них действительно зависела моя жизнь. Развернув ткань трусиков, я вдохнула терпкий аромат фекалий; впервые он не вызвал у меня отторжения, а при мысли, из сколь симпатичных попки и влагалища они появились, во мне пробуждался завидный аппетит, а низ живота наливался тягучим теплом. Самоублажение отнимало много сил, но сейчас оно было жизненно мне необходимо;

– Мм, не откажешь мне еще в одной услуге? – шаркнув ножкой, мякнула госпожа сотенная и не дожидаясь моей реакции, присела своей вымазанной говном попкой на решетку, холёными пальцами раздвинув ухоженный, гладко выбритый анус. Понять, что от меня требовалось не составила труда. Исполнять роль туалетной бумажки мне понравилось

и роль, унижительнее которой трудно что-либо вообразить.

Несколько раз девушка пукала прямо в мой доверчиво раскрытый ротик, позволяя вдыхать её миазмы; Влагалище я вылизала не менее тщательно, сделав воительнице кунилингус и в награду выпив её слизи, пока она, возбужденно дыша, оргазмировала.

– Как твоё имя, шлюшка? – спросила она, уже одевшись и собираясь уходить.

– Лея, госпожа Сотенная офицер. – последовал невнятный, но услужливый ответ. Девушка, нивнув каким-то своим, неведомым мыслям, кивнула и скрылась из поля зрения, оставив меня наедине с содержимым её кишечника и трусиками;

Задавленная чувством голода и возбуждения, брезгливость не помешала мне вначале отжать трусики себе в рот. Против ожидания, впитавшая вкус кала моча хоть и оказалась мерзкой на вкус, но прекрасно утолила жажду, а большего мне и не требовалось; Сложнее дело обстояло с говном. Сколько не вертела в пальцах податливо тающие комочки, но единственно чего я достигла, стало муторное, тошнотворное перекачивание их от одной щеке к другой. Вызванный из памяти образ госпожи сотенной, будоражащий и недостигаемо сексуальный, отчасти помог преодолеть отвращение и впервые в жизни проглотить кусочек кала.

Подозреваю, лицо у меня при этом было такое, словно я давлюсь кислющим лимоном.

Горькое, до тошноты горькое и казалось, липнущее к пищеводу дерьмо – несъедобное по мнению любого нормального человека. Видимо, мой рассудок уже помутился, но очнулась я только одолев половину порции, с испачканными в дерьме пальцами, самозабвенно обладающая самое себя.

Ближе к ночи я целиком съела предложенное девушкой угощение. На раздавшийся за стенкой вопрос Миры, «дерьмо жрешь?» я что и; то смущенно пролепетала, устраиваясь спать. Бывшая соратника ничего не ответила; лишь на следующий день я узнаю, что она обслужит сразу толпу девушек. Пока же перед моими сомкнутыми веками стояли картины сегодняшнего дня: возвышающиеся во мной стройные ножки, упругая попка их обладательницы и конечное, фекалии.

Утром меня разбудил скрип открывающейся решетки и знакомый голос, сказавший.

– Доброе утро, Лея. Да протяните же ей лестницу, остолопки! – госпожа сотенная в сопровождении нескольких рядовых воительниц, её приход удивил, напугал и; обрадовал. Мои мышцы, хоть я и разбирала их ежедневными тренировками, ослабели и подчинялись крайне неохотно. Результатом стало падение с лестницы и вывихнутая нога.

– Бедолажка; прости. Мне следовало сразу тебе помочь. – светловолосая офицер самолично спустилась и взяла меня, шипящую от боли, на руки. Подняла наверх, на пьянящий свежий воздух! Отсутствие привычной вони теперь играло со мной злую шутку.

Закружилась голова; я слабо простонала в плечо, а точнее мундир госпожи сотенной. Конечно, испачкав его своим нечистоплотным телом; но наказания не последовало.

– Тшшш, говняшечка. Ты очень слаба. И я вижу, тебе понравилось моё блюдо. Я хочу сделать из тебя свою личную наложницу. Поверь, это выгодно отразится на уровне твоей жизни. Собственно, это вопрос уже решенный. – ворковала она, усадив качая меня на колени и качая, как младенца. Я не сопротивлялась, решив что быть её маленький девочкой лучше, чем быть нужником сотен женщин. К слову, краем глаза я отметила целую очередь склонившихся над камерой Миры воительниц.

– Да, ей крупно повезло. Жеребёвка указала именно её в качестве Дерьмовой Принцессы. Сегодня в нее будут испражняться все, кому не лень. Обслужит всех, станет шлюшьей

смотрительницей. – пояснила моя, без преувеличения, полноправная хозяйка, верно истолковав мою растерянность.

– Завтра мы поставим тебе клеймо. Не бойся, это недолго, но после этого никто не посмеет воспользоваться тобой. Никто, кроме меня. – если бы она знала, какие перемены произойдут в нашей жизни; Она бы совершенно точно убила меня в то утро. Но, счастливая в своём неведении, хозяйка вместе со мной приняла душ, навсегда приучив меня ко вкусу её потных, подмышек; и грудному молоку. На мой вопрос, откуда здесь столько сцеженного в банки грудного молока она уклончиво двинула бровью и укусила меня за сосок.

– У нас сотни беременных рабынь. Мы специально оплодотворяем их, ухаживаем за ними и доим. Пей, говняшка. Не пристало моей рабыне ходить замухрышкой. – хозяйка, тоже глотнув молока, накрыла мои жгуты своими, вгоняя в исступленно влажный поцелуй. Тогда во мне впервые что-то перемкнуло и я до крови укусила её. Хозяйка, рыкнув, ошалело взглянула на меня и занесла кулак для удара.

– Ай! – вскрикнула я, чувствуя на попке набухающий след от её ладони и свербящий жар её пальцев внутри. Глубоко внутри меня;